

КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

МАРИЯ МАРЦЕВА

ВЕНОК для ЛИЛИИ

Мария Марцева

**Криминальные истории.
Венок для Лилии**

«Автор»

2025

Марцева М.

Криминальные истории. Венок для Лилии / М. Марцева —
«Автор», 2025

Обычный день может закончиться убийством. А за случайной ошибкой в протоколе может скрываться тщательно спланированное преступление. «Криминальные истории. Венок для Лилии» — это десять напряжённых, логически выверенных и атмосферных детективов, где каждое дело — как эпизод в сериале: новое преступление, новые герои, но та же пульсирующая интрига. Мария Марцева мастерски закручивает сюжет, вводит неожиданные повороты и заставляет читателя вместе с героями анализировать, сомневаться, искать. Будь то сгоревший архив, гостиничный номер с тайной, или похороны с намёком на старое преступление — за каждой страницей скрывается ключ. Главное — суметь его найти. Для тех, кто любит качественные криминальные истории — без фальши, с профессиональным подходом и острым вкусом к справедливости. Иллюстрации автора.

© Марцева М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Введение.	5
След из пепла.	6
Третье колесо.	15
Отголоски цирка.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мария Марцева

Криминальные истории. Венок для Лилии

Введение.

В этом мире ничто не уходит бесследно. Даже тщательно замаскированное преступление – это цепочка улик, оговорок, случайных фраз, искажённых взглядов и неосторожных движений. Главное – уметь их прочитать.

«Криминальные истории. Венок для Лилии» – это десять расследований, в которых за, казалось бы, бытовыми ситуациями скрываются тщательно продуманные преступления. Вдохновлённая атмосферой криминального телесериала «След», Мария Марцева переносит нас в мир судебной экспертизы, оперативных наработок, психологических допросов и смертоносных тайн. Здесь за каждой трагедией – холодный расчёт, ошибка прошлого или кровавый след предательства.

В каждом рассказе – новое дело:

«След из пепла» – старый пожар обнажает свежие улики.

«Третье колесо» – треугольник, в котором одно из звеньев исчезает навсегда.

«Отголоски цирка» – где трагедия на арене оборачивается охотой за правдой.

«Ошибка протокола» – случайная неточность, стоящая жизни.

«Портрет в тумане» – лицо, которое помнит только один свидетель.

«Венок для Лилии» – расследование гибели женщины, чей последний путь оказался началом охоты.

«Запах нефти» – промышленный конфликт с фатальным финалом.

«Номер 417» – гостиничный номер, из которого гость не вышел.

«Лишняя минута» – трагедия, укладывающаяся в 60 секунд.

«Хрустальная ловушка» – стеклянный бизнес с острыми краями.

Эти рассказы не требуют продолжения – каждый из них завершён и выстроен, как отдельный эпизод. Но их объединяет одно: в каждом преступлении скрыта правда, которую может найти лишь тот, кто умеет видеть сквозь дым, маски и зеркала.

Добро пожаловать туда, где пульсирует логика, работает интуиция, а холодная аналитика становится оружием справедливости.

Вы готовы открыть дело?

След из пепла.

Треск угольков, едва слышимый в утренней тишине, был единственным напоминанием о том, что здесь когда-то стоял дом. Теперь – обугленные остатки стен, металлические перекосившиеся конструкции и серая, ещё горячая земля.

– Хозяин был один, – сказал сержант Панов, стоя рядом с выгоревшим фундаментом. – Григорий Зотов. Пенсионер. Жил тут круглый год.

Агент ЦКР Лика Назарова присела у остатка бетонной лестницы. Пахло гарью и чем-то ещё – химическим, резким. В руках у неё – планшет с вызовом: «Пожар с человеческими жертвами. Предположительно – поджог».

– Нашли тело? – уточнила она, не поднимая глаз.

– Найдено. Судмедэксперт уже работает. В бане, под обрушившейся крышей. Не обгорел до конца – похоже, умер до того, как огонь распространился.

Лика кивнула. Приезд ЦКР означал, что дело серьёзное. Простой поджог? Нет. Судя по сообщению – не первый случай.

Эксперт-аналитик Максим Кайгородов аккуратно обошёл периметр, фиксируя на голографическую камеру каждую деталь.

– Пожар начался с бани, – заметил он, не отрываясь от камеры. – Потом перекинулся на основной дом. Распространение слишком быстрое. Использовался ускоритель горения – судя по цвету золы, возможно, ацетон или керосин.

Лика подошла к нему:

– Бросили бутылку? Или пролили?

– Вероятнее – пролили. Следов стекла нет. Но есть потёки вдоль северной стены.

Они молча посмотрели на обугленные доски.

– И кто-то очень хотел, чтобы всё сгорело, – добавил Кайгородов. – Но сделал это... грамотно. Учитывал направление ветра. Профессионально.

В это время в мобильной лаборатории ЦКР криминалист Ольга Синицына осматривала тело погибшего. Мужчине на вид около шестидесяти. Правая сторона лица не обуглилась, рот полуоткрыт, глаза в страхе.

– Есть ссадины на руках, – комментировала она. – Похоже, он пытался отбиваться. Но не от огня. От человека.

– Его ударили? – уточнил оперативник Алексей Зверев, заглянув в лабораторию.

– Более того – его задушили. Перелом подъязычной кости. Труп подложили в баню уже мёртвым. Это убийство. Пожар – просто маскировка.

Алексей недовольно выдохнул:

– Значит, кто-то хотел избавиться от тела. И сделать вид, что старик просто не успел выбраться...

– Или скрыть следы борьбы, – добавила Ольга. – Но раны говорят: у него была схватка. Он знал нападавшего. Не спал.

На месте поджога нашли странный артефакт – кусок обгоревшего фотоальбома. Из него удалось восстановить лишь одну фотографию: трое мужчин, на фоне старого дома с табличкой «Сосновый бор-2». По времени – лет двадцать назад.

Кайгородов отсканировал фото:

– Узнаём кого-то?

Лика посмотрела внимательно. Один из мужчин – сам Зотов, ещё молодой. Второй – не установлен. Третий...

– Подожди. Это не Игорь Белов? Он же год назад погиб при похожем пожаре. В 10 километрах отсюда.

Зверев нахмурился:

– У нас что, серия поджогов с трупами пенсионеров?

– А если это не просто серия? – встала Синицына. – А месть?

Через пару часов команда уже сидела в ЦКР и разбирала материалы. На доске – карта района. На ней – красные точки. За последние три года в радиусе 20 километров произошло четыре пожара с гибелью жильцов. Все – в старых дачных посёлках. Все – мужчины старше 60. Все – жили одни.

– Слишком много совпадений, – сказал Кайгородов. – В каждом случае – поджог. В каждом – одинокий пенсионер. Ни одной прямой связи, кроме возраста. Пока.

– Не совсем, – Лика прикрепил к карте распечатку той самой фотографии. – Зотов и Белов были знакомы. Вот они, вместе. Найди третьего.

Через пару часов в базах МВД нашли фото из уголовного дела. Третий человек – Александр Грошев, 68 лет, отсидел срок за вымогательство. Освободился 7 лет назад. Проживает... всё в том же районе.

– Срочно к нему! – скомандовала Лика.

Когда ЦКР приехали к дому Грошева, он оказался закрыт. Дверь не взломана, следов борьбы нет. В доме – порядок. Но на кухне – чайник, в котором ещё тёплая вода. Он вышел буквально 15–20 минут назад.

На стене – та же табличка с надписью «Сосновый бор-2».

– Он знал, что за ним придут, – тихо сказал Зверев. – Или сам ушёл. Или ему помогли.

На столе лежала записка. Всего два слова:

«Они вернулись».

Глава 2: Сосед, который знал слишком много

– Грошев знал, что за ним придут. – Лика Назарова стояла у окна его дома и смотрела на поросшую мхом тропинку, ведущую в лес. – А может, не ждал именно нас.

На столе – пустая чашка, надкусанное яблоко и записка с пугающим содержанием: «Они вернулись». Кайгородов сфотографировал её, после чего передал Синецовой – на предмет почерковедческой экспертизы.

– Странно, что дверь была не взломана, – буркнул Зверев, проверяя дверные замки. – Грошев ушёл добровольно. Или его заманили.

– Или... – Лика провела пальцем по пыльной полке с книгами – ...ему просто сказали то, чего он боялся больше смерти.

Ольга Синецова, вернувшаяся с заднего двора, выглядела хмурой:

– У сарая – свежие следы. Один человек. Возможно, сам Грошев. Ушёл пешком в сторону оврага. Похоже, уже после того, как узнал о смерти Зотова.

– Почему пешком? – уточнила Лика.

– Потому что машина стоит на месте. Багажник пуст. Зачем ему уходить с одним яблоком и без ключей?

Зверев усмехнулся:

– Может, он просто решил исчезнуть. Если следующий в списке – он.

Уже вечером, в лаборатории ЦКР, на стеклянной панели была выстроена временная линия:

2022 год – пожар в доме Игоря Белова

2023 – гибель Виктора Лоськова, похожие обстоятельства

2024 – смерть Павла Мартынова, поджог, одиночество, отсутствие мотива

2025 – Григорий Зотов, жертва удушения, инсценировка пожара

Все – бывшие жители кооператива «Сосновый бор-2». Все – пенсионеры, бывшие друзья по фотографиям. Все – мертвы.

– Нам нужно понять, что произошло в этом кооперативе двадцать лет назад, – сказала Лика, присаживаясь рядом с аналитиком.

Максим покачал головой:

– Архивы СНТ «Сосновый бор-2» исчезли из Росреестра ещё в 2011 году. Но... – он переключил слайд – ...в копии старого протокола собрания я нашёл упоминание о ЧП: «инцидент с Владиславом Капраловым». Имя больше нигде не всплывает.

– Найди его. Любой ценой, – резко ответила Лика. – Он может быть нулевой точкой.

На следующее утро поступило сообщение от местного участкового: в лесу, в двух километрах от дома Грошева, найдено тело. Без обуви, с порезами на ладонях и разбитой головой. Пальцы – синеватые. Вся поза говорила о том, что человек бежал. Очень быстро. И от чего-то – очень страшного.

ЦКР прибыли первыми. Лес был туманным, утренние лучи солнца едва пробивались сквозь листву. На земле – множество следов. Следователь Виктор Оленев, местный старожил, встретил их у опушки:

– Он бежал к трассе. Но не успел. Судя по ранам, ударился о дерево в панике. Мы нашли капли крови – след вёл от старого лагеря.

– Какого лагеря? – переспросил Кайгородов.

– Там раньше был летний пионерлагерь. Заброшен лет пятнадцать. Он почти весь сгнил. Но кое-что стоит.

Лагерь действительно выглядел как кадр из кошмара: провалившиеся полы, ржавые карусели, ветхие домики. На одной из стен – выцветший лозунг: «Будь готов – всегда готов!»

Внутри одного из домиков, по словам эксперта Сеницыной, обнаружили зону свежей активности: сломанный замок, вскрытый пол, и... старый сейф.

Код к сейфу они нашли позже – на крышке записка: 1977 – год основания лагеря. Внутри – бумаги, желтоватые от времени, но аккуратно сложенные. Судя по ним, лагерь был перекуплен частной фирмой в 2003 году под «реабилитационный центр». И владельцем числился никто иной как Владислав Капралов.

– Он же – исчезнувший в 2005, – сказал Зверев. – Его машина была найдена на дне карьера. Сам – пропал. Никто не искал.

– Что, если они избавились от него? Все четверо? – Лика смотрела на списки пациентов, в которых значились... только инициалы. И всё – несовершеннолетние.

– Или были свидетелями, – добавила Сеницына. – И спустя двадцать лет, кто-то решил напомнить.

В тот же день патологоанатом завершил вскрытие тела Грошева. Причина смерти – черепно-мозговая травма. Не от удара, а от столкновения с деревом. Но в его организме – следы адреналина в колоссальной дозе.

– Он был в панике, – подвела итог Сеницына. – Сердце разогнано. И ещё кое-что...

Она протянула Лике маленький обгоревший флеш-накопитель. Найден в кармане Грошева.

– Пока он не сгорел, он что-то успел сохранить.

На флешке – один-единственный файл. Видеозапись. Дата – три дня назад. Камера зафиксировала старика Зотова в своей кухне. Он сидел с бокалом чая и дрожащей рукой перебирал какие-то бумаги.

– «Они начали. Сначала Белов. Потом Мартынов. Теперь за мной идут. Я не хотел. Мы не думали, что он выживет. Мы просто хотели... чтобы он исчез. А теперь он возвращается. И в этот раз – всех заберёт с собой». – дальше – шум, крик, падение камеры.

Запись обрывалась.

Лика Назарова выключила экран и тихо произнесла:

– Похоже, призрак Капралова вернулся.

Глава 3: Призрак из прошлого

– Он не мог выжить, Лика. Я изучил материалы: Капралов был объявлен погибшим в 2005 году. Кости нашли, ДНК совпала. Это не может быть он, – Максим Кайгородов свернул видео с флешки, закрыл ноутбук и встал из-за стола.

– Не совпала. – Назарова резко обернулась. – Тогда сравнивали по линии племянницы. Там только 86%. Не 99, как положено. А с учётом того, что племянница – приёмная, да ещё с изменёнными документами...

– То есть ты считаешь, что Владислав Капралов жив?

– Или кто-то заставляет их поверить, что он жив. И этого достаточно, чтобы убивать.

ЦКР отправляется в архивный отдел МВД, где хранилось дело по исчезновению Капралова. Всё выглядело как типичная попытка бегства: недовольные пациенты, конфликт с местной администрацией, жалобы в прокуратуру, а потом – исчезновение. Машину нашли на дне карьера, в салоне – кости, частично обгоревшие, но с паспортом Капралова.

– Что-то не сходится, – сказала Лика, пролистывая акт осмотра. – В машине не было следов торможения. Ни крови, ни останков сгоревших органов. Только обгоревший скелет. Похоже на подброс.

Синицына молча подошла с листом из дела – на нём значился отчёт о пожаре в одном из корпусов лагеря, датированный августом 2003 года. В огне погиб подросток. Имя: Сергей Антонов, 14 лет.

– Родители судились с лагерем, – тихо сказала Ольга. – Проиграли. Умер от удушья. В деле указано – «сам закрылся в подсобке». А знаешь, что странно?

– Что?

– Сергей был круглым сиротой. Официально – никто не имел права его направить туда. А он оказался среди тех, кого «лечили» по частной программе.

Вечером в штабе ЦКР вывели важную связку: Зотов, Белов, Мартынов, Лоськов и Грошев – все входили в «административный комитет лагеря», имели прямое отношение к Капралову. Они участвовали в решении не закрывать учреждение после пожара 2003 года.

– Следовательно, были заинтересованы в сокрытии реальных причин смерти мальчика, – подытожил Зверев. – Всё указывает на то, что сейчас их кто-то по одному устраняет.

– Или мстит, – добавила Синицына. – За Сергея. Или за что-то, о чём мы ещё не знаем.

На следующее утро поступает сигнал: на границе района в придорожной церкви обнаружен мужчина – обессиленный, дезориентированный. Он представился: Вадим Антонов. Брат погибшего Сергея.

ЦКР выезжает.

Внутри церкви – холод, полумрак и запах ладана. Вадим сидит на скамье, пальцы сцеплены, глаза опущены. Лику он узнал сразу:

– Вы ищите тех, кто тогда сжёг моего брата?

– Мы ищем того, кто убивает их сейчас, – жёстко сказала она. – Где вы были в ночь пожара у Зотова?

– Я был там. Видел, как он горел. Но я не поджигал.

– А кто?

– Он сам открыл дверь. Ему просто нужно было напомнить. Я оставил фото. Одно. Старое.

– Где вы их взяли?

– Я хранил их двадцать лет. Ждал. Один – один.

Допрос Вадима подтверждает главное: он – не убийца. Он наблюдал, угрожал, но ни в одном из пожаров участия не принимал. Однако он видел третьего – высокого мужчину в чёрной куртке, лицо – под маской сварщика.

– Он стоял у задней стены. И не просто смотрел. У него в руке была канистра. Он ждал, пока Зотов уснёт. А потом...

– Почему ты не вмешался?

– Потому что я видел, как Зотов смеялся на суде. После смерти Сергея. Видел, как он говорил: «Сам залез в котельную». Я хотел, чтобы он почувствовал страх. Но я не знал, что будет настоящий огонь.

Вскоре из лаборатории Синицыной пришли результаты анализа пепла с места пожара. Она показывает снимок микроскопа:

– В веществе, найденном на стенах, – нестандартный ускоритель: смесь ацетона с добавкой нитроокрасителя. Такой используют... при ремонте лодок, мотоциклов. Или – в реставрации автомобилей.

Кайгородов сразу реагирует:

– У нас в радиусе 15 км есть частный ангар для ретро-авто. Владелец – Павел Данилин, 40 лет. Увлекается восстановлением сгоревших машин. У него был Ford Mustang, поднятый с карьера.

– Карьера? – переспросила Лика.

– Того самого.

ЦКР выезжает к ангару.

Там – порядок. Инструменты на месте. Но с полки исчезает одна вещь: маска сварщика. Зверев обходит территорию, замечает свежие следы у бокового входа.

Они входят внутрь. Ангар тёмный. Вдруг – вспышка света. Кто-то запускает факел. Огонь скользит вдоль стены, но не загорается – всё под контролем. На фоне – фигура в плаще, в маске.

– Я знал, что вы придёте, – говорит он. – Знал, что в этот раз вы не отступите.

– Данилин? – Лика делает шаг вперёд.

– Нет. Меня больше нет. Я – результат их лжи. Их подлости. Я – то, что осталось от Капралова.

Срывает маску. Это действительно Владислав Капралов, живой. Седой, с шрамами. Но живой.

– Меня не убили. Они пытались. Но я выжил. И я помнил. Всю боль. Все голоса. Всю правду.

– Вы убили пятерых?

– Я судил их. Как они судили детей, которых отдали в мой центр. А потом предали. Я хотел спасать. А они – зарабатывали. Мы хоронили не одного Серёжу. Их было шестеро. Но только он всплыл. Остальные – в старом подвале лагеря. Они боялись, что кто-то найдёт.

Зверев нащупывает наручники:

– Владислав Викторович Капралов, вы задержаны...

– За что? За то, что вы сделали двадцать лет назад? Где вы были тогда, а?

Он бросается к кнопке. Но не успевает – Лика перехватывает руку, Синицына сзади вводит транквилизатор.

Через два часа Капралов в изоляторе. Он спокоен.

– Вы никогда не поймёте, что значит смотреть, как детей хоронят в закрытых гробах. Как чиновники улыбаются на заседаниях. Как эти пять подонков снимают с меня ответственность, чтобы не терять лицензию. Вы не судьи.

– Нет, – говорит Лика. – Мы ЦКР. А теперь – судьи есть.

Глава 4: Спички и страх

ЦКР не публиковал информацию о задержании Капралова. Для общественности он оставался призраком, мёртвым с 2005 года. Но в изоляторе на подземном уровне Центра он оживал всё больше – в деталях, датах, именах. Не требовал адвоката. Не выказывал раскаяния. Только говорил. Будто ждал, чтобы кто-то, наконец, услышал.

– У меня был список, – сказал он. – Они проголосовали единогласно: «оставить». Без расследования, без огласки. Просто забыть. А мальчик – он просто перестал быть. Как цифра, как расходник. Я не прощу.

– Почему именно сейчас? – спросила Лика Назарова. – Прошло двадцать лет. У вас было время.

– Потому что только сейчас я смог встать на ноги. После взрыва я был овощем. Два года в частной клинике. Потом – чужое имя, чужое лицо. Я ждал, пока смогу ходить. Пока снова смогу держать в руке канистру. И спички.

Он наклонился вперёд:

– Вы не знаете, что такое спички, когда в них – страх. Когда каждый щелчок – приговор. Они сгорали – и я сжигал их. По одному.

Синицына пришла в допросную с новым результатом:

– Владислав, в доме Грошева вы забыли кое-что. Стеклообразный флакон. Он не относится к бензину. Это... ароматизатор.

– Да. Для ощущения уюта. Так уютнее горит. Пахнет, как в детстве. Как перед Новым годом.

Синицына не ответила. В её голосе впервые прорезалась дрожь:

– Вы подбирали запах к каждому пожару?

– К каждому человеку. Зотов – чай с малиной. Белов – влажная трава. А Грошев... он пах боязнью. Потому – хвоя. Сырая, гнилая хвоя.

Кайгородов в это время допрашивал племянницу Сергея Антонова – Марину. Она жила в Москве, работала медиком. Она вспомнила, что Сергей за год до гибели писал письма. Станные. Полные страха. Он жаловался на шумы в ночи, на людей, которые приходили в корпус и ставили «уколы без объяснений».

– Тогда я думала – фантазии. Дети часто преувеличивают. А потом... он сгорел. Один. В кладовой.

ЦКР запросил копии писем. Марина переслала фотографии рукописей.

Одна строка повторялась в каждом письме:

«Я боюсь того, кто приходит со спичками. Он говорит, что так быстрее забывается».

В лаборатории Синицына и Зверев сопоставляют образцы веществ из каждого места пожара. Всё подтверждается: почерк один. Смеси – одинаковые, разница лишь в «подписи» – запах, который выбирался индивидуально.

Но внезапно Синицына замечает странность:

– Вот здесь, в деле Маргынова, есть нечто новое. Волокна. Синтетические, тонкие. От формы одежды. Не похоже на комбинезон Капралова.

– Кто-то ещё был на месте?

– Возможно. Или он не работал один.

Следующей ночью в районной больнице города Перлово случается возгорание. Горит только одна палата – судебная психиатрия. Там находился пациент по фамилии Лоскутов. Выживший после пожара 2004 года в лагере. Был признан недееспособным.

ЦКР срочно выезжает.

Пациент мёртв. Тело обгоревшее. Рядом – сгоревший клочок бумаги. Удалось восстановить только край фразы:

«Я не должен был говорить. Он придёт. Он... со спичками».

– Это уже не Капралов, – уверенно сказала Лика. – Он у нас под замком.

– Подражатель? – предположил Зверев. – Или соучастник?

– Или тот, кого он вырастил.

Кайгородов провёл повторный анализ видеозаписей с флешки, найденной у Грошева. Замедленный фрейм на 32-й секунде показал отражение – силуэт у окна. Капюшон. Чётко прослеживаемая маска.

– Это не Капралов. Рост – ниже. Шея – тонкая. И... женские черты. Судя по строению.

– Женщина? – удивилась Сеницына. – У него были связи?

– Он упоминал сиделку. По имени Клара. Мы думали – вымышленное. Но я нашёл запись в частной клинике: Клара Миловская. 33 года. Официально – нигде не работает. Уход за «пациентом без имени».

Вскоре их находят. Квартира Клары – на окраине. Сама – сожжена внутри. Судя по остаткам на теле – самоубийство. Письмо:

«Я лишь зажигала, как он учил. Я – его руки. Он – мой свет. Прости, Владислав».

В соседней комнате – схрон. Копии досье жертв. Карты. Этикетки от ароматизаторов. И список. На последней строчке – Лика Назарова.

– Он знал, что мы идём за ним, – шепнула Лика, глядя на фотографию Клары.

– И подготовил замену, – добавила Сеницына. – Страх продолжает жить, даже если спичек больше нет.

Глава 5: Доказательство в пепле

Центр Криминальных Расследований уже третий день работал в режиме полной изоляции. Ни один журналист, ни один протокол не покинул здания. Всё хранилось в цифровом хранилище с грифом «П-1». Даже дело Капралова не передали в прокуратуру.

– У нас остался последний пробел, – сказала Лика Назарова, стоя у карты. – Мы знаем, кто поджигал. Кто вдохновлял. Кто мстил. Но мы не знаем – что именно они пытались скрыть всё это время.

– Трупы, – бросил Зверев. – Они же говорили: мальчиков больше.

– Это только часть, – тихо ответила Сеницына. – Иначе, зачем Капралову понадобился список жертв поимённо?

Кайгородов вбежал в комнату со свежим отчётом:

– Я пробил геодезию участка под лагерем. И вот, что нашёл. В 2001 году там был сейсмоотклик. Как будто в землю загнали что-то металлическое. Или бетонное.

Он развернул скан:

– Это... камера. Подземная. Примерно 4 на 6 метров. Без подключения к коммуникациям.

– Подземный бункер? – Лика прищурилась. – Который нигде не значится?

– Именно. Похоже, он построен ещё в советское время. Возможно, как склад. Или, если верить Капралову... как могила.

Через три часа, при участии МЧС и судебного эксперта, в лесу под фундаментом сгоревшего корпуса лагеря начали раскопки.

Первый залп лопат дал запах. Густой. Сладковатый. Приторный. Мгновенно – в нос. Потом – звон металла. Арматура. Затем – бетонная крышка.

Когда вскрыли... Внизу оказалась комната на 5 коек, гниющих, проржавевших. Два скелета на кроватях. Один – у двери. И еще два – в дальнем углу, в обнимку.

Всего – пять тел. Детских.

– Мальчики. Возраст – 10–15 лет, – коротко сказала Сеницына, поправляя перчатки. – Состояние костей говорит: погибли от удушья. Огонь сюда не добрался. Их оставили здесь... сознательно.

На стене под слоем плесени нашли выцарапанную надпись:

«Мы здесь. Нас закрыли. Мы не спим».

На базе ЦКР началась вторая волна расследования. Оказалось, что список Капралова действительно указывал всех, кто тогда принял решение замуровать детей и скрыть происшествие. В нём было 12 фамилий.

Из них на момент начала расследования:

5 – убиты (Зотов, Белов, Лоськов, Грошев, Мартынов)

1 – мёртв (Клара)

1 – задержан (Капралов)

2 – умерли ранее (инфаркт, ДТП)

3 – остались

И один из них – Валерий Осипов, ныне – замглавы региональной Думы, курирующий программы «Ретро-клубов» и... реконструкции лагерей.

– Мы знаем, кто вы, – сказал Зверев, сидя напротив Осипова в особой переговорной. – Ваша подпись стоит в протоколе от 15 августа 2003 года.

– Подпись? Это не доказательство. Я тогда не знал, что речь идёт о настоящем замуровывании. Дети могли быть эвакуированы. Это Капралов... он...

– Мы нашли тела, – перебила Лика. – С ручными бирками. Все по списку. У вас была возможность остановить это. Почему вы молчали?

Осипов смотрел в стену:

– Потому что иначе замолчали бы нас. Тогда была другая система. Лагерь – был испытательной площадкой. Медико-социальные практики. Эксперименты. Неофициальные. Все всё знали. Но боялись. А потом пошло одно за другим: пожар, смерть. Скандал.

Нам сказали: «Замять». И дали список. Капралов... он сначала протестовал. Потом исчез. А мы... остались.

Он опустил голову.

– А теперь, выходит, никто не остался.

ЦКР передала материалы в Следственный комитет. Подземная камера была задокументирована. Все пять тел были идентифицированы. Личности родителей – найдены. Им сообщили.

Капралов, находящийся под охраной, молчал. Он ни разу не попросил снижения срока. Ни разу не попросил воды. Только одно – ежедневно зажигал спичку, смотрел на огонёк и говорил:

– Одному из них сегодня теплее.

Через месяц суд признал вину всей группы, включая чиновников, прикрывавших центр.

Капралов получил пожизненное – за убийства.

Но в материалах дела судья добавил:

«Без действий обвиняемых из числа государственных служащих, эти преступления были бы невозможны. Их бездействие и равнодушие стали настоящим топливом для костра мести».

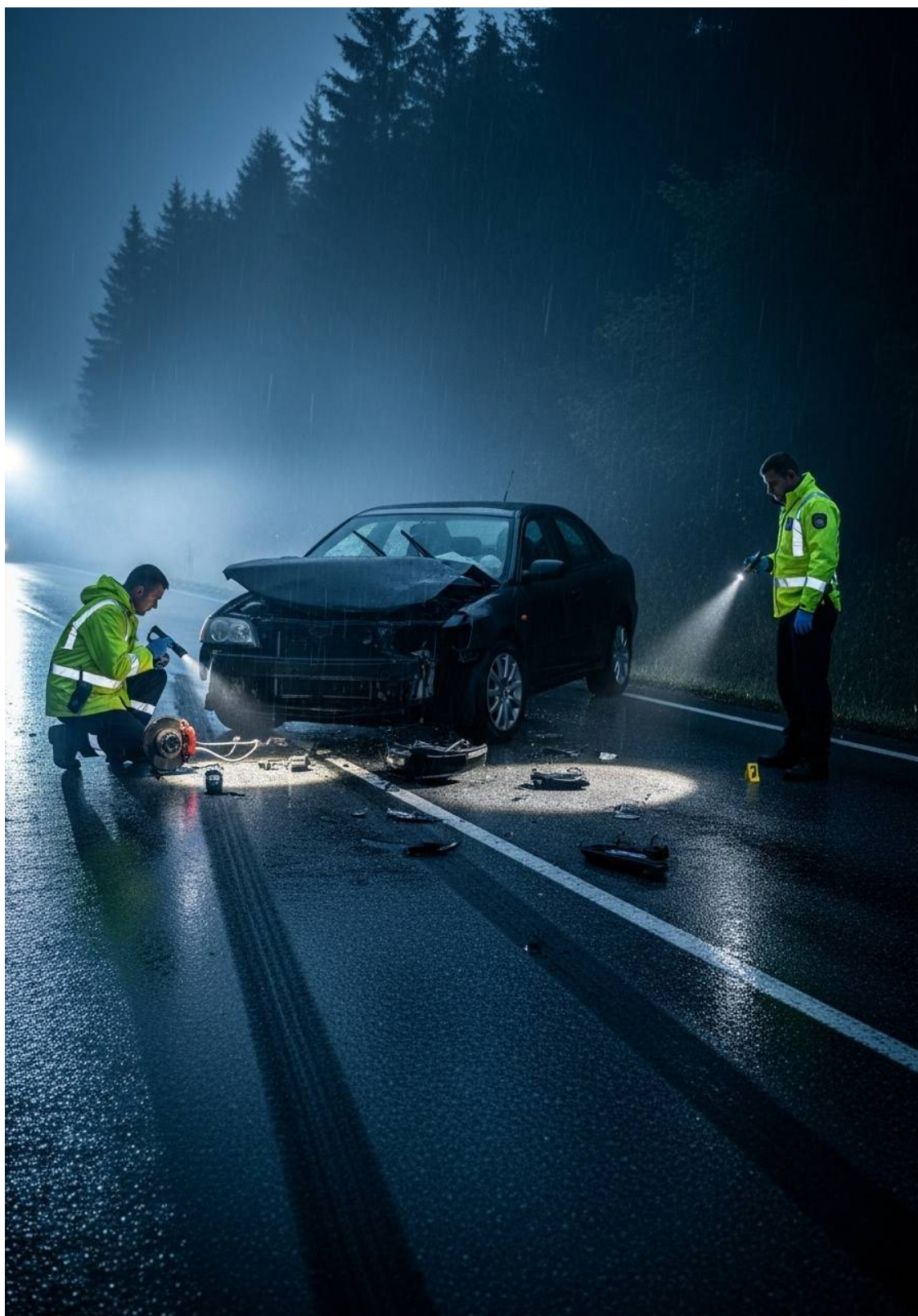
Дело было закрыто.

Но Лика Назарова долго хранила одну из уцелевших фотографий: пятеро мальчиков – на лестнице лагеря. Один из них держит спичечный коробок.

Она сожгла его в ту же ночь. Без комментариев. Только шёпотом сказала:

– Страх кончился. Пепел останется.

Третье колесо.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда на шоссе А113, в 23 километрах от города, перевернулась серебристая Toyota Camry. Машину выбросило в кювет, кузов обгорел, а водитель погиб на месте. Первоначальный осмотр показал: чистая авария, вероятно – превышение скорости и отказ тормозов.

Местные следователи хотели закрыть дело – до тех пор, пока патруль не передал видео с регистратора, на котором отчётливо видно: у машины были рабочие фары, поворотник включён, а потом – внезапный рывок вперёд, как будто кто-то нажал на газ до упора.

На следующий день материалы попали в Центр Криминальных Расследований. Группа была назначена немедленно:

Ли́ка Назарова – руководитель,

Максим Кайгородов – криминалист, инженер,

Ольга Синицына – эксперт по трасологии и микробиологии,

Игорь Зверев – оперативник.

Жертва – Илья Рудаков, 39 лет. Бизнес-консультант, разведен, детей нет. Вёл спокойную жизнь. Машина – личная, техосмотр пройден месяц назад. Никаких жалоб на тормоза не поступало.

Осмотр обломков

– Это не просто отказ тормозов, – первым делом сказал Кайгородов, осматривая останки тормозной системы. – Здесь разъединены два шланга, причём аккуратно. Ни одного рваного края. Такое мог сделать только человек с опытом.

Синицына под микроскопом подтвердила:

– Инструмент – тонкий, вроде зубного зонда или часовой отвёртки. И делалось это неспешно. Примерно за день до аварии. Следов масла – минимум. Всё просчитано.

– Подготовка, – добавила Ли́ка. – Значит, убийство. И кто-то хотел, чтобы это выглядело, как несчастный случай.

Дом Рудакова

Квартира в центре, аккуратно, минимализм. Документы в порядке. Но в ящике – разорванное письмо. Склеив его, команда прочла:

«Я знаю, что ты сделал. Я молчала два года. Но ты забрал у меня будущее. Я не прошу. Жди».

Подпись – неразборчива. Предположительно – женская рука.

– Мечь? – предположил Зверев.

– Или шантаж, который не сработал, – сказала Ли́ка. – Нужно проверить всех его близких женщин за последние три года. Отношения, деловые связи, даже мимолётные встречи.

Сюрприз в багажнике

Когда Зверев досматривал автомобиль на спецстоянке, он наткнулся на странный предмет – третье колесо. Оно лежало в полиэтиленовом пакете, с меткой: «установлено не мной». Салфетка с жирными отпечатками пальцев – не принадлежала Рудакову.

– Кто-то поменял одно колесо на другое? – удивился Кайгородов. – И оставил метку? Зачем?

– Или это послание. Нам. Или тому, кому Рудаков его привёз, – задумалась Ли́ка. – Вопрос: кому?

Камеры

Анализ движения машины перед аварией показал, что Рудаков заехал на СТО за 48 часов до смерти. По видеозаписям – он не выходил из машины. Мастер – Василий Парамонов, 42 года. В прошлом – автомеханик в раллийной команде. Сейчас – частная мастерская.

На допросе Парамонов нервничал:

– Я тормоза не трогал. Менял только свечи. Всё по заказу. Никаких нареканий. И да, он вел себя странно... Смотрел в зеркало постоянно. Будто ждал кого-то. Или боялся.

– У него были конфликты?
– Он ругался по телефону. Громко. Кричал: «Ты не посмеешь. У меня всё зафиксировано. Я тебя размажу».

– Имя?

– Не слышал. Но говорил «мы». Не «я». Там замешано больше одного.

Телефонная аналитика

Эксперт восстановил удалённые сообщения на телефоне Рудакова. Последние – из мессенджера с ником «Vortex29»:

Vortex29: «Если не вернёшь, мы сделаем, как в Сочи. Только хуже».

Илья: «Я всё отдам. Только оставьте меня в покое. Я не трогал её специально!»

Vortex29: «Ты думаешь, мы шутим? Ты не уйдёшь. В этот раз – трое».

Синицына прижала пальцы к вискам:

– Что за «трое»? Он что, перешёл дорогу трём людям? Или наоборот – был четвёртым?

Вывод главы

Кайгородов по камерам вычислил, что в ночь перед аварией в гараж к Рудакову входил кто-то в маске и перчатках. Пластиковый комбинезон, лицо скрыто. Но на комбинезоне в багажнике осталась ворсинка – шерсть мейн-куна, окрас серебристый.

– Есть один способ найти его. Через кога, – сказал Зверев и усмехнулся. – Мало кто заводит такого зверя просто так. Особенно в городе.

ЦКР теперь знали:

Это было убийство.

Участвовали минимум трое.

И один из них – оставил след, сам того не желая.

Глава 2: Свидетель с регистратором

На первом этаже Центра Криминальных Расследований Лика Назарова включила запись с видеорегистратора очевидца, переданного накануне в архив. Владелец – некто Геннадий Мальцев, дальнобойщик, проезжавший в момент аварии на своём «Рено-Магнум».

Видео началось рутинно: ровная трасса, шум радио, отрывки диалогов по рации. И вдруг – вспышка: серебристая Самгу вырывается из соседнего ряда, мотается между полосами, а потом – уходит в кювет и загорается.

На первый взгляд – всё как в протоколе. Но Кайгородов настоял на повторной раскадровке.

– Смотри, на 07:26:34... вот она вылетает, и... – он остановил кадр. – Видишь отражение в зеркале?

Лика прищурилась: в зеркале на секунду мелькнула чёрная Honda CR-V, тормозящий свет которой включается сразу же, как Самгу уходит влево. Почти одновременно.

– Слишком быстро среагировал, – заметила она. – Как будто ждал. Или знал, что машина сорвётся.

Охота за Хондой

Через систему «Поток-Скан» с привязкой по времени и координатам, Синицына вытащила данные о проезжавших в тот момент автомобилях. Удалось вычислить восемь CR-V, но один – с номером Н877ХЕ, ехал точно позади Самгу, а потом свернул с трассы за 900 метров от места аварии.

Владельцем оказался Кирилл Ярошенко, 33 года, логист, женат, прописан в Москве. Машина зарегистрирована на его жену – Елену Рудакову.

– Подожди... Рудакова? – переспросил Зверев. – Бывшая жена погибшего?

Лика мгновенно поняла:

– Значит, мы нашли одного из троих.

Допрос: Елена Рудакова

Елена – эффектная женщина, сдержанная, но в голосе – дрожь. При первом допросе заявила, что никаких отношений с Ильёй давно не поддерживала.

– Да, это моя машина. Я разрешила Кириллу на ней ездить. Но я не знала, что он там делает.

– Он был на месте ДТП, – сказала Лика. – В момент аварии. И... мы знаем, что он не просто проезжал мимо.

– Это совпадение. Кирилл ездит по работе. Я... не хочу лгать, но я не причастна. С Ильёй у нас был сложный развод, но я его не желала смерти.

– А кто желал?

Елена молчала.

– Вы знаете, кто ещё был в курсе маршрута Рудакова в день аварии?

– Его... бывшая партнёрша. По бизнесу. Светлана Лосева. Он задолжал ей денег. И... у них был конфликт.

Светлана Лосева

Ранее судимая за финансовые махинации. Работала с Рудаковым в проекте «Гослизинг». Проект провалился, партнёры обвинили друг друга в хищениях.

– Я Илью не видела полгода, – сказала она на допросе. – И слышать о нём не хотела. Он стёр мне карьеру. Подсунул липовые отчёты.

– Но у вас был мотив, – напомнил Зверев. – Финансовый и личный.

– Мотив есть. А вот доступа к его машине – нет. А ещё – я езжу на метро.

– У вас был сообщник?

– В этом городе у всех есть. Иногда ты даже не знаешь, что тебя используют.

Неожиданный поворот

Ольга Сеницына принесла результаты экспертизы по отпечаткам с третьего колеса, найденного в багажнике Самгу:

– Частичный отпечаток совпал с механиком Парамоновым. Тем самым, который утверждал, что тормоза не трогал.

– Почему ты уверена?

– Потому что вместе с отпечатком – следы нитроглицерина. Такой используют в заправке аварийных усилителей тормозной системы. И его нет ни в одной современной сертифицированной станции.

– То есть, Парамонов не просто был у машины. Он подключил систему, а потом отключил?

– Или имитировал подключение, зная, что она не работает.

Второе видео Мальцева

Пока команда собирала новые данные, Геннадий Мальцев, тот самый дальнобойщик, внезапно явился в ЦКР. В руке – флешка.

– Я нашёл ещё одну запись. Камера сзади, для парковки. Она записала звук.

На записи было слышно: за секунду до рывка Самгу второй двигатель – короткий свист, затем визг колес и... металлический щелчок, словно кто-то активировал дистанционный механизм.

– Это уже не «чистая авария», – тихо сказал Кайгородов. – Это преднамеренное управление машиной.

Теперь картина стала яснее:

Рудаков ехал к кому-то с компроматом.

В машине был дистанционно активируемый ускоритель.

Тормоза были отключены механиком.

В деле фигурируют три человека:

Парамонов (исполнитель),

Ярошенко (водитель Хонды, вероятный наблюдатель),
Лосева или Рудакова (мотиваторы, возможно – обе).

ЦКР поняли: это не месть, а операция.

И она спланирована профессионально.

Следующей станет попытка – стереть доказательства. Включая свидетелей.

Глава 3: Любовь на обочине

Офис ЦКР. Поздний вечер. На столе – карта, фото, записи звонков, техпаспорт на машину и листы с анализами тормозной системы. Кайгородов морщится, Синицына пьёт шестой кофе, Лика стоит у окна.

– Вся троица сходится, – говорит Зверев. – Но главный вопрос не в том, кто убил. А кто – заставил убить. И зачем.

Неожиданный визит

Через КПП ЦКР проходит женщина – Юлия Пластова, 29 лет. Представляется бывшей подругой Ильи Рудакова.

– Я должна сказать... я боялась, но он мне звонил за день до аварии.

Он сказал:

«Если со мной что-то случится – это не несчастный случай. Это они. Они втроём. Один из них – твой новый парень».

В комнате становится тише.

– Кто ваш парень? – спрашивает Лика.

Юлия смотрит в пол.

– Кирилл. Кирилл Ярошенко. Я не знала, что он бывший муж его бывшей жены. Я узнала... позже. Но он клялся – всё случайно. Говорил, что Илья его преследует.

Юлия достаёт блокнот.

– После аварии я убрала кое-что из машины Кирилла. Мне стало страшно.

Это – дубликат электронного брелка. Стандартный автостартер. Но модифицированный.

Кайгородов разглядывает:

– Это устройство может активировать ДВС дистанционно. Но... его доработали. У него есть функция аварийного форсажа. Если активировать – машина ускоряется резко, без участия водителя.

– Кто умеет так делать? – спрашивает Лика.

– Специалист. Или кто-то с доступом к тюнингу. Или... автомеханик.

Все молча смотрят на фото Василия Парамонова.

Парамонов – повторный допрос

– Я не знал, – говорит Парамонов, потирая руки. – Мне дали схему, попросили собрать. Я подумал, это для дрифта. Никакой мысли, что этим кого-то убьют. Я просто сделал, как просили.

– Кто просил?

– Кирилл. Он пришёл вместе с бабой. Светка, кажется. Или нет – блондинка, дерзкая такая. Говорили, что надо наказать одного козла, который угробил их бизнес.

– Что обещали?

– 150 тысяч. И тишину. И... чтобы я ничего не спрашивал. А ещё – чтоб не трогал тормоза. Сказали, что это уже не моё дело.

Возвращение к Юлии

Лика встречается с Юлией в кафе.

– Почему вы пришли к нам?

– Я... нашла это в ящике у Кирилла, – она достаёт пакет с пачкой писем.

Рукописные. Адресаты – разные. Содержание – почти идентичное:

«Если с Ильёй что-то случится – проверь Юлю. У неё есть ключ. Она может не знать, но она в центре всего».

– Он писал, что я... рычаг. Что меня используют.

Оказалось: Юлия была связующим звеном, которое Кирилл использовал, чтобы войти в доверие к Рудакову. Но она не знала, что её используют, как приманку.

– Я... не хотела. Я просто полюбила не того.

Новая улика

Синицына завершает анализ волокон из салона машины. Среди них – длинный женский волос, окрашенный в белый, и с частицами дорогой косметики. Оттенок совпадает с маркой «LUX-GEL Nordic Ice». Такой же использует... Светлана Лосева.

Её вызывают повторно.

– Светлана, кто предложил вам убрать Рудакова?

Она молчит. Потом:

– Я не предлагала. Это была Елена. Его бывшая жена. Она сказала, что Илья слил компромат в прокуратуру. Что он «порвёт нас всех». Что надо – устроить урок.

– А Кирилл?

– Он... делал всё, чтобы угодить. Он любил Елену. Она крутила им, как хотела.

– Значит, «любовь» и есть третье колесо, – тихо произносит Лика.

Цепочка складывается:

Илья Рудаков собирался передать компромат на троицу – Елену, Кирилла и Лосеву.

Елена спровоцировала план: подать убийство как аварию.

Кирилл, влюблённый и ведомый, установил устройство.

Лосева согласилась, чтобы замести следы и спасти бизнес.

Парамонов – подкупленный механик, работал вслепую.

И только Юлия, ничего не подозревавшая, оказалась в самом центре. Как инструмент манипуляции и последняя связующая точка.

Финал главы

На рассвете троицу задерживают.

Елена пытается сбежать, но её берут на вокзале.

Кирилл признаёт вину, но настаивает:

«Я сделал это ради любви. Я хотел спасти её. Я не убийца, я – просто третье колесо».

Лосева отмалчивается.

Лика закрывает досье.

– Все трое виновны. Но главное – теперь тормоза работают. И правда остановила этих людей.

Глава 4: Кто нажал на газ?

– Машина поехала сама, Илья не мог нажать на газ. Он был уже в ступоре, на грани паники, – уверенно сказал Кайгородов, запуская цифровую модель ДТП.

На экране: последний участок трассы. Самгу ускоряется рывком – без педали. Импульс поступил через электронный стартер. Подтверждено.

– Значит, был сигнал, – произнесла Лика. – Осталось понять – откуда.

Одна кнопка

Экспертиза показала: сигнал активации системы «форсажа» пришёл по Bluetooth на модуль, установленный Парамоновым. Дальность действия – 5–7 метров максимум.

– Значит, в момент запуска убийца находился рядом. Возможно – в другой машине, – Зверев опустил досье. – И мы уже видели эту машину.

Он вытащил кадр с регистратора дальнобойщика: за доли секунды до ускорения – в правом ряду выравнивается чёрная Honda CR-V. За рулём – Кирилл Ярошенко. В руке – телефон.

– Это и есть активация, – кивнула Лика. – Теперь надо доказать.

Телематика

Изъятый смартфон Ярошенко передали цифровику. Через 12 часов он восстановил удалённые данные из тестового Bluetooth-приложения.

– Было соединение с устройством под именем «StartV12», – докладывает техник. –

Последний сеанс – ровно в 07:26:33. Это секунда до ДТП.

Он поворачивает ноутбук:

COMMAND: BOOST ON

STATUS: EXECUTED

– Вот и всё. Прямая активация.

– Он нажал. Он убил, – Лица поднимается. – Но не по своей инициативе.

Признание под давлением

Кирилла Ярошенко допросили повторно.

– Вам уже всё ясно, – устало сказал он. – Я действительно нажал. Но...

я думал, что это просто «пугалка». Хотел, чтобы машина подпрыгнула, чтобы Илья испугался и остановился.

Елена сказала: «Он поймёт и сдаст назад».

– А вы не задумались, что у него могут не работать тормоза?

Кирилл замолчал.

– Я не знал... честно. Я её любил. Она сказала, что Илья шантажирует её, вымогает.

Говорила: «Он сломал мою жизнь, пусть почувствует страх».

– Но испугался не он. Он погиб. Из-за вас.

Внутри группы

Тем временем Зверев проверял связи Елены с Лосевой. И нашёл то, что поменяло акценты.

Флешка в сейфе Лосевой, помеченная «Петля». На ней – аудиозапись, за неделю до аварии:

Лосева: «Кирилл слишком мягкий. Надо, чтобы он нажал. Ему скажем – просто испугать.

А ты отключишь тормоза, как мы обсуждали».

Елена: «Сделаю. Пусть думает, что спасает меня. А мы – избавимся от балласта».

– Вот оно, – сказал Зверев. – Кирилл был инструментом. Настоящие убийцы – Лосева и Елена.

Итоги расследования

Илья Рудаков собирался передать компромат на коррупционные схемы в бизнесе бывшей жены и Лосевой.

Они решают устранить его.

Лосева придумывает план: убить, но так, чтобы это выглядело как ДТП.

Елена отключает тормоза через механика Парамонова.

Кириллу внушают, что «пугают» Илью, а не убивают.

Он нажимает – и запускает форсаж.

Завершение главы

Кайгородов выключает модель.

– Все три части сошлись. Механик. Манипулятор. Исполнитель. Все втроём.

– Но финальный удар – за ним, – добавляет Лица. – Потому что нажал на газ – он.

Кириллу предъявляют обвинение в соучастии. Но с пометкой: ввод в заблуждение.

Главных обвиняемых – Лосеву и Елену – арестовывают.

Парамонов идёт под следствие как пособник.

На доске в штабе остаётся только последняя запись – карандашом:

«Механик знал больше, чем сказал».

Глава 5: Записки механика

ЦКР, кабинет экспертов. Утро. Кайгородов загружает результаты допроса Парамонова.
– Он утверждает, что просто «винт в чужом механизме». Что понятия не имел, кого убивает. Но... он врал, – заявил он, перебрасывая на стол старую папку. – Мы нашли кое-что в его гараже.

Синицына достаёт содержимое: обожжённый блокнот, исписанный от руки. Мелкий, чёткий почерк. На первой странице:

«Если меня закроют, пусть знают: я не убивал. Я помогал. А помогать – не преступление. Правда?»

В блокноте – семь эпизодов, каждый из которых описывает модификации автомобилей клиентов. Часть – явно для гоночных нужд. Но три – выделены чёрным маркером:

Samru / RUDAKOV – «форсаж готов, тормоза «в минус».

«Octavia / «М» – «реле стартера на отклик, тормоз перерезан через трубку».

Golf / «девчонка с красными ногтями» – «сделал всё по схеме, не проверял».

– Это что – цепочка убийств? – шепчет Лика.

– Больше похоже на... сервис заказных «аварий», – отвечает Зверев. – И Рудаков – не первый.

Подтверждение старых дел

Зверев выдёргивает из архива два похожих ДТП:

Июнь. Skoda Octavia врезалась в опору моста. Водитель погиб. Предварительная версия – инфаркт.

Март. Volkswagen Golf вылетел с трассы. За рулём – девушка 24 лет. Тормоза не работали. Умерла в больнице.

Во всех случаях – один общий элемент: машины за неделю до гибели обслуживались у Парамонова.

– Он был цепным звеном, – говорит Лика. – Но теперь у нас есть улика – записки. Он их не планировал отдавать. Это была его «страховка».

Повторный допрос

Парамонову предъявляют блокнот. Он сначала молчит. Потом сдаётся:

– Я не убийца. Я просто делал «обслуживание» под заказ. Мне звонили, диктовали, платили. Я не знал всех деталей.

– Но понимали, что последствия могут быть смертельными?

– Да. Но... думал, обойдётся. Убедил себя, что всё не всерьёз. Пока не сгорела Samru.

– Кто с вами связывался?

– Только по голосу. Женщина. Говорила чётко, без акцента. Уверенно. И всегда представлялась как «Люся». Потом... появилась ещё одна. Мужской голос, курящий. Он звонил про «М»... Про Octavia.

Цифровики извлекают аудиофайлы из старого телефона Парамонова. Там – зашифрованные сообщения. Но голос «Люси» совпадает с голосом Светланы Лосевой.

– Всё подтверждается. Лосева – системный координатор. Елена – личный мотив. Кирилл – активатор. Парамонов – техник.

Но вся схема существовала дольше. И, возможно, не закончилась на Рудакове.

Последний ход

В ходе обыска у Лосевой находят скрытый сервер. Там – папка: «R3 AutoCore».

Внутри – 12 схем, 6 заказов, большинство из них – на «аварии» в спорных делах: разводы, бизнес-конфликты, долги.

– Это было больше, чем месть. Это был теневой бизнес, – говорит Лика. – Автоматизированные убийства под видом дорожных происшествий.

Илья Рудаков стал последним и нежеланным звеном. Он догадался. Он знал схему. Он хотел её разоблачить.

Но третье колесо – всегда оказывается лишним.

Эпилог

Светлана Лосева – организатор. Уголовная статья за серию убийств, по совокупности.

Елена Рудакова – заказчик, соучастница.

Кирилл Ярошенко – активатор, заключил сделку со следствием.

Пармонов – исполнитель, получил срок, но помог в раскрытии всей схемы.

Записки механика положили конец делу.

Но, как сказала Лика Назарова, закрывая последнюю страницу:

«Машины можно чинить. Но людей, которые нажимают на газ – уже не отремонтируешь».

Отголоски цирка.

Глава 1: Падение

Гул публики сменился криком ужаса.

Тело канатоходки Марии Солнцевой рухнуло с высоты пятого яруса прямо на арену, ударившись о страховочную платформу. Сетка не была натянута. Оркестр сбился, клоуны застыли, дрессировщики бросились к артистке.

Смерть наступила мгновенно.

Вызов в ЦКР

– Цирк, говорите? – Кайгородов приподнял бровь. – Во время номера?

– Не просто во время номера, – пояснила оперативница Лика Назарова, листая первичный рапорт. – Это была премьера. Девочка работала без страховки – трюк был фирменный, «ангел над бездной». Только в этот раз – без финального каскада. Потому что она упала.

– Цирковые не ошибаются на ровном месте, – подал голос Зверев. – Если она сорвалась – либо кто-то помог, либо подготовили «сюрприз».

– Есть видео. И свидетель. Только он... немой.

Осмотр места

Цирковой шатёр. Арена пахнет соломой, потом и резиной. Трос натянут, но один из карабинов – не родной.

– Это не часть заводского набора, – говорит Лика, проверяя снаряжение. – Подменили.

Техник трупно-бледен. Его зовут Вадим Каширин, старый цирковой электрик, 40 лет на арене. Он не говорит с рождения, общается на языке жестов. У него при себе – планшет с блокнотом.

Он пишет:

«Я ничего не трогал. Карабин был уже другой утром».

– Он не врёт, – уверена Лика. – Слишком боится. Он знал Марию с детства.

Зверев находит важное: след от масла на одной из опор. Туда поднимались – тайно.

Судмедэкспертиза

Тело Марии доставляют в морг. Синицына быстро завершает осмотр:

– Перелом позвоночника, компрессия груди. Но это не всё.

Она показывает вырезанный фрагмент мышцы:

– В крови – остатки яда. Нервно-паралитический яд растительного происхождения. При введении – вызывает слабость, спазмы и потерю контроля над мышцами.

– Кто-то подсыпал ей яд до выступления? – уточняет Зверев.

– Не обязательно. Скорее – вколол. Незаметно.

Место укола – в подмышке, глубоко. Только кто-то близкий мог это сделать – во время грима, подготовки, обнимания.

Первый подозреваемый

Интервью с партнёром погибшей – Артур Ладин, воздушный гимнаст, 27 лет. Красивый, улыбчивый, но напряжённый.

– Мы с Машей работали 3 года. Она была моей напарницей, да. Но в последнее время... у неё были конфликты.

– С кем?

– С директором, с бывшим, с новым жонглёром. Она знала, что кто-то портит инвентарь. Несколько раз говорила: «Меня хотят убрать». Но ей не верили.

– Почему?

– Потому что у нас цирк – это бизнес, а не шоу. Если ты мешаешь гастролям, деньгам и договорённостям – ты лишний.

Артур вспоминает:

– За день до премьеры Мария говорила, что нашла доказательства. Какие – не уточнила.

Записка

В гримёрке Марии находят сумку с личными вещами. Внутри – маленькая записка с инициалами:

«Г.Ш. – не отпустит. Осторожно с порошком. – А».

Подпись неразборчива. Но «Г.Ш». – это Григорий Шемякин, нынешний директор цирка, бывший дрессировщик.

– Он уже попадал в поле зрения, – вспоминает Лика. – Дело 2009 года. Отравление пони на гастролях. Подозрения не доказаны.

ЦКР вызывает Шемякина.

Шемякин

Григорий Шемякин – крепкий мужчина, лет пятьдесят. Говорит уверенно, без эмоций:

– Маша была... проблемная. Слишком независимая. Не любила подчиняться. Никаких угроз с моей стороны не было.

– А яд? Кто мог получить доступ?

– У нас выступают фокусники с ядовитыми лягушками и змеями. У ветеринара хранятся десятки препаратов. Но туда доступ только у двух человек.

– Кто второй?

– Её бывший. Алексей Юров. Ветеринар. По совместительству – химик.

– Он и есть «А». из записки? – уточняет Зверев.

– Возможно. Но с ней он не разговаривал с тех пор, как она его бросила.

Финал главы

Перед выходом из шатра Лика замечает странную деталь: один из клоунов – снимает грим слишком рано, ещё до конца представления.

Имя: Клим Шипунов, бывший жонглёр, ныне массовка. Был уволен по решению Марии Солнцевой год назад – за «непрофессионализм».

В его гримёрке находят шприц с остатками яда. И карту доступа в ветлабораторию.

– Кажется, у нас появился жонглёр, играющий с ядом, – мрачно говорит Кайгородов. —

И это лишь верхушка шатра.

Глава 2: Жонглёр с прошлым

ЦКР. Лаборатория. Лика Назарова проводит химический анализ содержимого найденного шприца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.